

МЕЖДУ ЗЕМЛЕЙ И НЕБЕСАМИ

Черное Солнце

Fevered Star

ШЕСТОЙ МИР

След молнии

Storm of Locusts

**REBECCA
ROANHORSE**

**BLACK
SUN**

РЕБЕККА
РОАНХОРС

ЧЕРНОЕ
СОЛНЦЕ

fanzon

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Rebecca Roanhorse

BLACK SUN

Copyright © 2020 by Rebecca Roanhorse
Saga Press, a Division of Simon & Schuster Inc.,
is the original publisher

Cover art © by John Picacio

Роанхорс, Ребекка.

P58   **Черное Солнце / Ребекка Роанхорс ; [перевод с английского К. Янковской]. — Москва : Эксмо, 2022. — 544 с.**

ISBN 978-5-04-162534-4

В священном городе Това зимнее солнцестояние обычно время празднования и обновления. В этом году оно совпадает с солнечным затмением, редким небесным явлением и, по мнению жрецов Солнца, нарушающим равновесие в мире.

В день солнцестояния в Тову прибывает из далекой провинции корабль под командованием Ксиалы, чья песня может успокоить бурные воды так же легко, как и взять под контроль разум человека. На борту находится таинственный, но с виду безобидный пассажир: молодой, слепой, покрытый шрамами и отмеченный печатью рока. Как хорошо знает Ксиала, тот, кто выглядит безобидно, обычно оказывается душегубом.

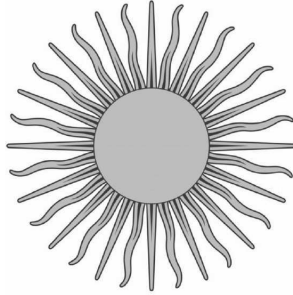
УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© К. Янковская, перевод на русский язык,
2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-162534-4

*Для того тeхасского дитя,
что всегда мечтал об эпичном*

ЖИТЕЛИ МЕРИДИАНА

• ГОРЫ ОБРЕГИ •

- Серапио — *воплощение Бога-Ворона*
Саайя — *мать Серапио*
Маркал — *отец Серапио*
Пааде — *первый наставник Серапио*
Иди — *вторая наставница Серапио, дева-копейщица*
Поваге — *третий наставник Серапио, Нож*

• ГОРОД КЬЮКОЛА •

- Ксиала — *капитан, моряк, по происхождению — тик*
Келло — *старший помощник, моряк*
Пагу — *кок, моряк*
Луб — *моряк*
Бейт — *моряк*
Полок — *моряк*
Атан — *моряк*
- Балам — *торговый правитель*
Пек — *торговый правитель*

• ГОРОД ТОВА •

НАБЛЮДАТЕЛИ

Наранпа — *Жрец Солнца, Орден Оракулов (гаваа)*
Иктан — *Жрец Ножей, Орден Ножей (тицийо)*
Аба — *Жрец Помощи, Орден Исцеления (сээги)*
Хайсан — *Жрец Записей, Орден Истории (тадисса)*
Кьютуэ — *бывший Жрец Солнца (умер)*
Эче — *Адепт, Орден Оракулов*
Квайя — *Адепт, Орден Исцеления*
Дия — *прислуга*
Леайя — *прислуга*

КЛАНЫ, СОЗДАННЫЕ НЕБЕСАМИ

Ятлиза — *матрона, Черная Ворона*
Око — *сын Ятлизы, Черная Ворона*
Иса — *дочь Ятлизы, Черная Ворона*
Чайя — *капитан Щита, Черная Ворона*
Маака — *предводитель Одохаа, Черная Ворона*
Ашк — *грум, Черная Ворона*
Фиэ — *целитель, Черная Ворона*

Кутца — *гигантский Ворон*
Бенунда — *гигантский Ворон*
Пайда — *гигантский Ворон*

Айайюэ — *матрона, водомерка*
Айше — *водомерка*
Заш — *водомерка*
Тиоде — *водомерка*
Паипаи — *гигантская водомерка*

Нуума — *матрона, Беркут*
Пейана — *матрона, Крылатый Змей*

ЗАСУШЛИВЫЕ ЗЕМЛИ (БЕЗ КЛАНА)

Денаочи — *брат Наранпы*
Акел — *брат Наранпы*
Джейма — *отец Наранпы*
Затайя — *ведьма*

Ибо ты заменитель, заместитель Тлок Нуака,
Повелителя того, что вблизи и что вдали.
Ты престол его (трон, с которого правит он),
ты флейта его (уста, которыми он глаголит).

Он говорит в душе твоей,
Он создает тебя своими устами, своим ртом,
своими ушами...

И создает он тебя своими клыками, своими когтями,
Ибо ты его зверь, его пожиратель людей.
Ибо ты судья, посланный им.

Флорентийский кодекс, книга 6, параграф 42

ГЛАВА 1

ГОРЫ ОБРЕГИ
315 ГОД СОЛНЦА
(ЗА 10 ЛЕТ ДО КОНВЕРГЕНЦИИ)

О Солнце! Обжигаешь ты столь жестоко!
Углями стала плоть в цвет оперенья,
Неужели ты забыло о милосердии?

Из Избранных степенаний Ночи Ножей

Сегодня он станет богом. Так сказала ему мать.

— Выпей, — сказала она, протянув ему высокую узкую чашу, наполненную светло-кремовой жидкостью. Принюхавшись, он почувствовал запах оранжевых цветов с медовой сердцевинкой, что цеплялись усиками за его окно. А еще он почувствовал землистую сладость колокольчиков, что мать выращивала в саду на заднем дворе — в том самом саду, где ему никогда не позволялось играть. И еще он знал: там было что-то, что он не мог почуять в этом напитке, что-то тайное, что-то, что явилось из сумки, которую она носила на шее, и отчего побелели кончики ее пальцев и его язык.

— Выпей сразу, Серапио, — повторила она, на миг прикоснувшись ладонью к его щеке. — Его лучше пить холодным. На этот раз я добавила больше сладости, так что тебе будет легче пить.

Он вспыхнул, смутившись из-за упоминания о том, как его вырвало в прошлый раз. Утром она тоже предупредила, что зелье надо выпить залпом, но тогда он проявил нерешительность, просто отхлебнул — и его стошнило месивом молочного цвета. На этот раз он хотел доказать, что достоин большего, что он не какой-то трусливый мальчишка.

Дрожащими руками он схватил чашу и под пристальным взглядом матери поднес к губам. Напиток был мучительно холоден, но, как она и обещала, слаще утреннего.

— До дна, — упрекнула она, когда у него перехватило горло и он начал опускать чашу. — Иначе этого будет недостаточно, чтоб заглушить боль.

Чтобы осушить сосуд, ему пришлось запрокинуть голову. Желудок запротестовал, но мальчик смог с ним справиться. Десять секунд прошло, затем еще десять — и он победоносно вернул пустую чашу обратно.

— Мой смелый маленький божок. — Ее губы изогнулись в улыбке, и от этого он почувствовал себя счастливым.

Она поставила чашу на стол неподалеку, рядом с охапкой хлопчатых шнуров, которыми позже свяжет его. Он бросил короткий взгляд на шнуры, костяную иглу и нити из кишок. И это все было приготовлено для него.

Несмотря на холод, царивший в комнате, у него на лбу выступила испарина, от которой темные кудри прилипли к голове. Он был храбр — настолько, насколько может быть храбрым двенадцатилетний мальчишка, — но один только взгляд на иглу заставлял его желать, чтобы обезболивающее зелье подействовало как можно скорее.

Мать заметила его беспокойство и ободряюще хлопала по плечу:

— Твои предки гордятся тобой, сын мой. А теперь... улыбнись для меня.

Он подчинился, показав ей зубы. Она же взяла маленькую глиняную миску и обмакнула в нее палец — кончик окрасился в красный. Затем жестом велела приблизиться, и он наклонился к ней, позволяя втереть краску ему в зубы. Та была безвкусной, но ему вновь и вновь вспоминались насекомые, которых мать перетирала с ореховым молоком, когда делала краску. Одинокая капля, похожая на кровь, упала на колени женщине. Она нахмурилась и стерла ее ладонью.

На матери было простое узкое черное платье с длинным подолом, касающимся пола, и без рукавов, так что сильные коричневые руки оставались открытыми. Черные волосы длиной до пояса свободно рассыпались по спине, а на шее был воротник из иссиня-черных вороньих перьев, кончики которых были выкрашены в красный цвет — как и его зубы.

— Твой отец думает, что он может запретить мне носить эти одежды. — Она произнесла это спокойно, но мальчик услышал в ее голосе нотки боли, появив-

шиеся от многих лишений и печалей. — Но он не понимает, что это путь моих предков, и до них — их предков. И он не может запретить женщине из рода Черной Вороны нарядиться в честь Бога-Ворона, особенно в столь святой день, как сегодня.

— Он просто боится, — обронил мальчик, и слова сорвались с его губ раньше, чем он подумал об этом: должно быть, зелье развязало ему язык, иначе он бы никогда не осмелился произнести это вслух.

Мать сморгнула, очевидно удивленная его откровением, а затем пожала плечами.

— Возможно, — согласилась она. — Обреги боятся многих вещей, которых они не понимают. А теперь стой спокойно, пока я не закончу.

Она работала споро, окрашивая его зубы в глубокий карминовый цвет, — до тех пор, пока не стало казаться, что его рот наполняет кровь. Она засмеялась — ее зубы были такими же. Отец прав, что так боится ее, вдруг подумал мальчик. Она выглядит свирепой, могущественной. Прислужницей бога.

— Как твоя спина? — поинтересовалась она, возвращая чашу с краской на стол.

— Отлично, — соврал он. Еще до рассвета она вырезала хааханы у него на спине: подняла его из постели, поднесла ему первую чашу обезболивающего зелья и сказала, что время пришло. Он покорно перевернулся на живот, и она начала.

Она использовала особый клинок — он подобного никогда не видел: тонкий, изысканный и очень

острый — и при этом все время разговаривала с ним, рассказывая, что, если бы он был со своим кланом, любимые дяди или двоюродные братья постепенно, небольшими кусочками, в течение нескольких месяцев или даже лет, вырезали бы ему хааханы, но сейчас уже не осталось времени, и потому это сделает она, сегодня. Затем, вырезая изогнутые линии — намек на вороньи крылья — на его плечах и вниз по боковым мышцам, она рассказывала ему истории о великом Боге-Вороне. Боль обжигала так, словно он сунул руку в огонь, — возможно потому, что он не допил все зелье, но он перенес все, даже не всхлипнув.

Затем она заставила его сесть и вырезала вороний череп у основания его шеи, так что клюв вытянулся вниз по груди и казался кулоном, висевшим на шее. Боль от этого была в десять раз сильнее, чем от крыльев, но единственное, что удерживало его от крика, — страх, что она может случайно перерезать ему горло, если он слишком резко шевельнется. Он знал, что племя его матери резало свою плоть в знак непрекращающейся скорби по тому, что они потеряли, и был горд нести хааханы, но слезы сами бежали по щекам.

Закончив, она окинула свою работу критическим взглядом:

— Теперь, когда ты вернешься домой, они узнают тебя, даже если к тому моменту ты будешь слишком похож на обреги.

Эти слова задели его, особенно то, что она сказала это уже после того, как нанесла знаки. Он и так привык